

Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000 - 2020-х годах

Ксения Альмировна Субхангулова
(ksubkhangulova@yandex.ru), Национальный
исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской Академии Наук, Россия.

Family policy in Central and Eastern European countries in the 2000 - 2020s

Ksenia Subkhangulova
(ksubkhangulova@yandex.ru),
Primakov National Research Institute of
World Economy and International
Relations (IMEMO), Russia.

Резюме: Усиление неблагоприятных демографических тенденций в Центрально-Восточной Европе порождает серьезные экономические и социальные вызовы, требуя неотложных мер от государств региона. Семейная политика считается действенным инструментом, при грамотном использовании которого возможно существенное повышение уровня жизни семей с детьми, создание условий для личностного развития их членов и в целом укрепление демографического потенциала страны. Целью данной статьи является характеристика демографических процессов, а также модели и направлений семейной политики в странах Центрально-Восточной Европы. Семейную политику анализировали с позиции концепции государства всеобщего благосостояния (welfare state) с применением инструментов статистического анализа международных баз данных. Результаты исследования показали, что в текущем веке в рассматриваемом регионе при отрицательном естественном приросте и высоком уровне эмиграции наблюдается стабилизация показателей рождаемости, а в ряде государств – их рост, хотя и не достаточный для замещения поколений. Испытывая влияние общеевропейских процессов сближения паттернов семейной политики, Центрально-Восточный регион выделяется моделью материнской заботы с минимальным участием отцов в воспитании детей. Матерям предоставляются продолжительные (более протяженные, чем в западном регионе Европы) отпуска по уходу за детьми, однако относительно небольшие размеры пособий (в сравнении с более богатыми европейскими государствами) нередко подталкивают женщин к преждевременному возобновлению трудовой деятельности. В регионе значительно расширилась сеть учреждений дошкольного образования, тем не менее женщины при выходе на работу сталкиваются с их нехваткой. Извлечение уроков из опыта стран Центральной и Восточной Европы может способствовать совершенствованию семейной политики российского государства.

Ключевые слова: Страны Центральной и Восточной Европы, семейная политика, рождаемость, эмиграция, государство благосостояния, модель помощи материнству, региональный индекс социального прогресса.

Для цитирования: Субхангулова К.А. (2024). Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000 - 2020-х годах. Демографическое обозрение, 11(2), 44-61.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826>

Abstract: The increasingly unfavorable demographic trends in European countries, especially in the Central-Eastern region, pose serious economic and social challenges requiring a quick response. One effective tool in this response is family policy, the proper use of which helps not only to strengthen a country's demographic potential, but also to achieve a decent living standard for families with children and provide opportunities for personal development. The purpose of the article is to describe the demographic processes, as well as the model and directions of family policy, in Central-Eastern Europe states. The research methodology was based on an analysis of family policy from the perspective of the concept of the welfare state, using tools of statistical analysis of international databases. The results showed that despite negative natural increase and high emigration, the current century has seen stabilization and even growth in fertility rates. Against the background of the convergence of European models of family policy, the Central-Eastern region stands out as a model of maternal childcare with minimal involvement of fathers. The granting of long parental leave, together with low benefits, encourages women to return to work prematurely. Along with the significant expansion of the kindergarten network in the region, women may face a shortage of preschool education institutions when they return to work from maternity leave. Implementing family policy measures in Russia which take into account the experience of Central and Eastern European states could help improve the demographic situation in the country.

Keywords: CEE countries, family policy, fertility, emigration, welfare state, maternal care model, regional social progress index.

For citation: Subkhangulova K. (2024). Family policy in Central and Eastern European countries in the 2000 - 2020s. Demographic Review, 11(2), 44-61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826>

Введение

На фоне общего ухудшения демографической ситуации на европейском континенте его Центрально-Восточный регион выделяется интенсивным нарастанием угроз депопуляции. Семейная политика с учетом сложных современных социально-экономических реалий рассматривается как перспективное направление решения обострившихся демографических проблем и институциональной адаптации обществ к демографическим вызовам.

В чем же специфика демографических вызовов в Центрально-Восточной Европе (далее – ЦВЕ), и можно ли дать на них адекватный ответ? Существует ли там единая модель социального государства? Каковы характерные черты семейной политики в регионе и ее отличия от ведущих стран Западной Европы? Каких результатов удалось добиться государствам ЦВЕ в сфере семейной политики? В предлагаемой статье предпринята попытка ответить на эти вопросы.

Данная работа основывается на типологии моделей социального государства, опирается на результаты отечественных и зарубежных исследований по вопросам демографии и семейной политики в европейских странах. Используются статистические данные международных организаций (ООН, ОЭСР, Евростат), а также результаты расчетов автора.

Демографическая ситуация в Центрально-Восточной Европе

Регион ЦВЕ не имеет единого общепринятого определения, что сказывается в нерегламентированности состава его стран, не совпадающего у различных международных организаций, экспертов и политиков (Маркова 2009: 5-15). Отсутствие консенсуса по данному вопросу позволяет с некой степенью свободы, сообразуясь с целями исследования и с учетом контекста анализируемых процессов, формировать перечень стран, образующих Центрально-Восточный регион Европы. Автор данной работы взял за основу классификацию ОЭСР, согласно которой к ЦВЕ отнесены 12 государств: Албания, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Болгария, Румыния, Хорватия (OECD 2008: 69). При этом, ориентируясь не только на географическую близость этих стран, но и в большей мере на принадлежность их подавляющей части к общей интеграционной экономической, социальной и политической платформе, исследование было сфокусировано на 11 странах региона, присоединившихся к Европейскому Союзу (далее – ЕС), оставив за пределами рассмотрения Албанию, переговоры о вступлении которой в Союз еще продолжаются.

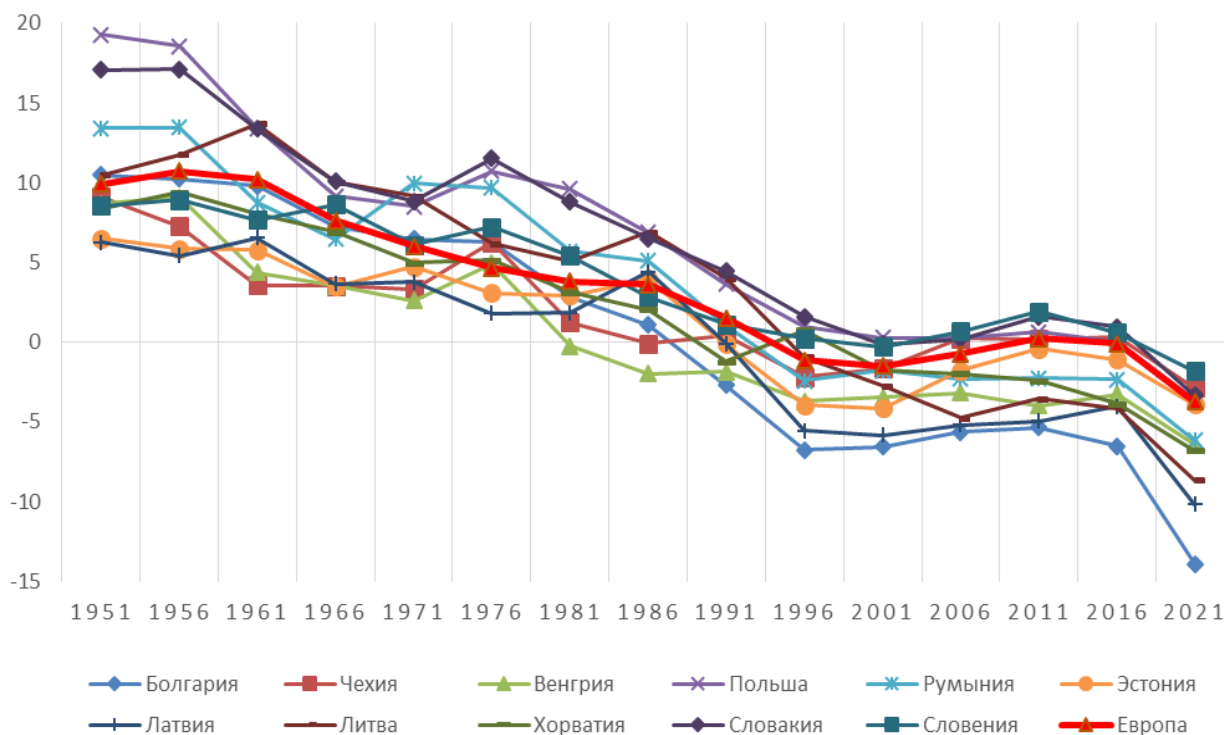
С конца 80-х – начала 90-х годов страны ЦВЕ вступили в трансформационный период, ознаменованный разворачиванием рыночных реформ и преобразований, связанных с включением в ЕС¹. А именно переносом правил и стандартов ЕС на национальную почву и их имплантацией в местные национальные институты (Куликова 2017: 32-48). Гармонизация социальной и составляющей ее семейной политики присоединившихся к союзу стран с коммунитарной (ЕС) происходила в мягких формах. Меры ЕС в этой области носят рекомендательный характер и не содержат директив и распоряжений в отличие от макроэкономической политики (Куликова 2019: 14-37). Одним из главных регулирующих

¹ В ЕС вступили в 2004 г. Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения; в 2007 г. – Румыния, Болгария; в 2013 г. – Хорватия.

инструментов ЕС в сфере семейной политики является свод правил, касающихся социальных прав «The European Pillar of Social Rights». В частности, предусматривается равный доступ к образованию, стратегия по установлению гендерного равенства на рынке труда, право детей на дошкольное и школьное образование и медицину, защиту от бедности детей и др.

Как и во всем европейском регионе, в большинстве стран ЦВЕ начиная с 90-х годов фиксировалась естественная убыль населения. Коэффициент естественного прироста еще в начале 80-х годов пробил нулевую отметку в Венгрии, а к середине 90-х – во всех странах, исключая Польшу. К 2018 г. этот показатель стал отрицательным и в Польше (рисунок 1). Убыль населения в большинстве стран региона (Болгария, Венгрия, Румыния, Латвия, Литва, Хорватия) уже достигла серьезных масштабов и превышает общеевропейский уровень в 2-3,7 раза.

Рисунок 1. Коэффициент естественного прироста в 11 странах Центрально-Восточной Европы и в Европе в среднем, на 1000 чел. населения

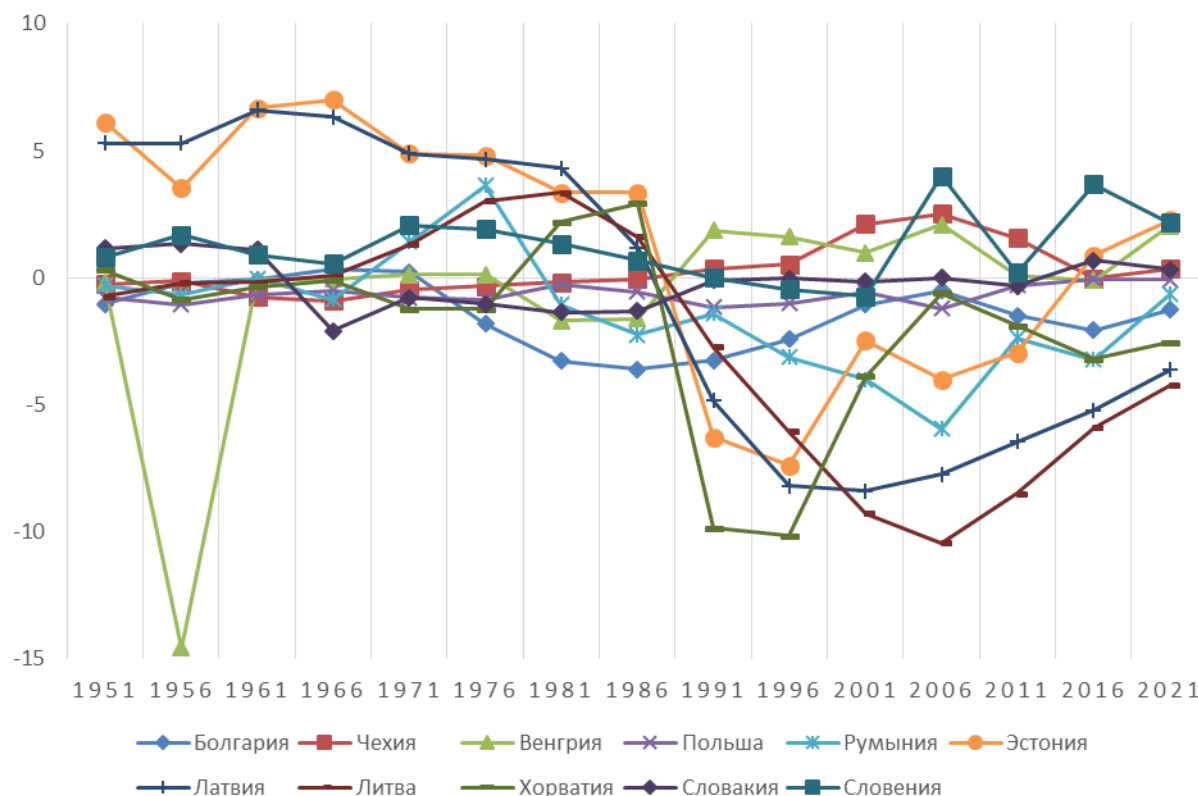
Источник: (UN Department... 2024).

Сокращение населения происходит не только за счет отрицательного естественного прироста, но и за счет эмиграции. Особенно высоки коэффициенты миграционного оттока в Литве (-4,25 на 1000 населения в 2021 г.), Латвии (-3,63), значителен он и в Болгарии (-1,27) (UN Department... 2024).

Высокий миграционный отток в большей степени проявлялся в период с середины 1980-х до середины десятых годов нового века, кроме Латвии, Литвы, также в Румынии, Хорватии, Эстонии. Это было обусловлено появлением возможности свободного перемещения между странами ЕС и поиском трудовыми мигрантами лучших возможностей для реализации своего потенциала в более богатых европейских странах

(рисунок 2). Эмиграция населения ЦВЕ на запад до вступления в ЕС чаще характеризовалась краткосрочностью. После присоединения к Союзу получение права свободного перемещения способствовало продлению сроков пребывания мигрантов из этого региона в других европейских государствах, переездам в сопровождении семей и воссоединению с проживавшими там родственниками (Тенги 2004).

Рисунок 2. Коэффициент миграционного прироста (на 1000 чел. населения) в 11 странах Центрально-Восточной Европы

Источник: (UN Department... 2024).

В то же время в ЦВЕ вливаются потоки иностранного населения. Однако в отличие от западного крыла ЕС, характеризуемого массовой иммиграцией, лишь в небольшой группе стран ЦВЕ: в Чехии, Эстонии, Словакии, Словении и Венгрии в первое двадцатилетие показатель миграционного прироста был положительным (за небольшим исключением), демонстрируя при этом скачкообразную динамику. С момента начала специальной военной операции (далее – СВО) на Украине изменился характер миграции украинского населения в Польшу. Вплоть до 2021 г. основными переселенцами были мужчины, прибывшие по экономическим соображениям, с начала 2022 г. – женщины и дети, ищущие убежища. В конце 2023 г. в Польше было зарегистрировано 1,7 млн беженцев из Украины, из них 63,7% – женщины, 36,3% – мужчины, чуть более половины из общего числа людей (56%) – в трудоспособном возрасте (UNHCR 2024: 11-16). Вынужденным мигрантам оказывалась системная социальная поддержка, включая принятие соответствующих правовых актов, выделение государственных финансовых средств, а также привлечение помощи со стороны местного населения ² и общественных организаций. В то же время

² Польское население оказывало помощь в предоставлении временного жилья украинским беженцам.

длительное нахождение в Польше столь крупного контингента беженцев легло ощутимым бременем на национальную казну и социальную инфраструктуру, испытывавшие и без того определенные ограничения, и стало вызывать недовольство местного населения (Михалев 2022: 49-61).

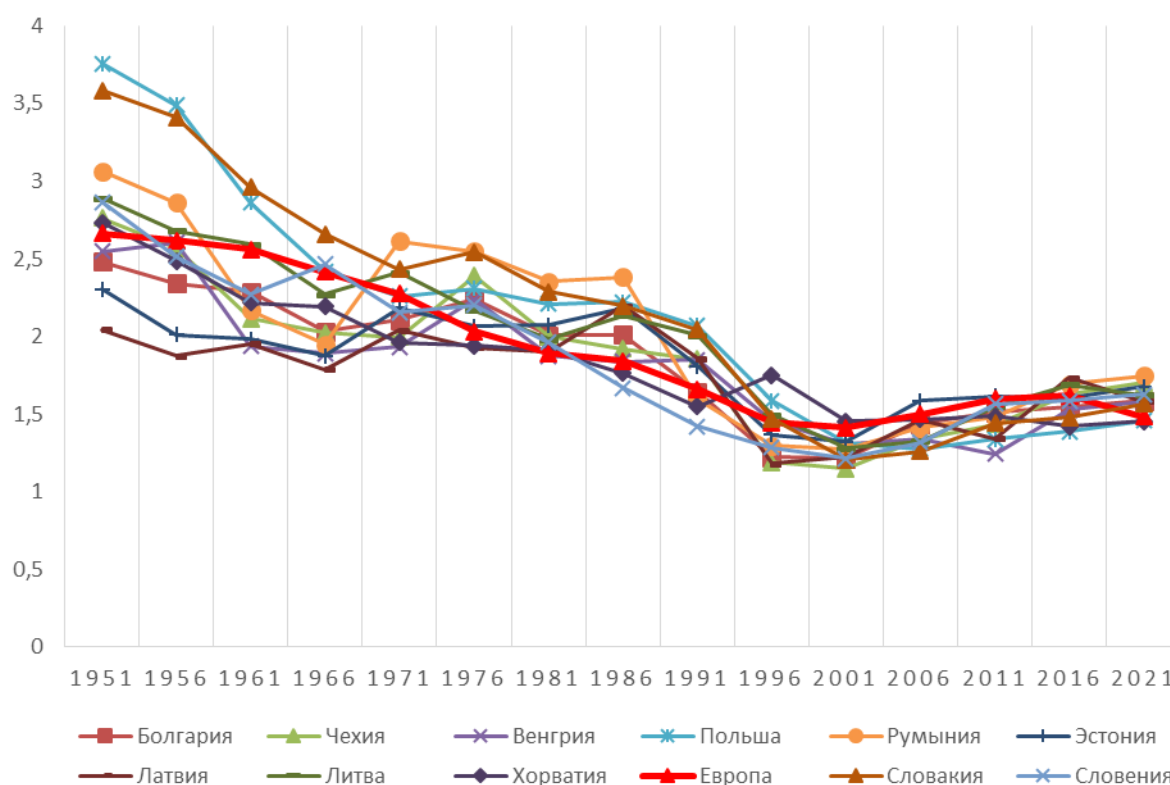
Членство в ЕС побудило правительства стран ЦВЕ расширить систему социального обеспечения для жителей ЕС и с рядом ограничений – для иностранцев из других стран. Граждане третьих стран (не входящих в состав ЕС), находящиеся в государствах ЦВЕ, обеспечиваются минимальными гарантиями социального обеспечения, предоставление семьям таких мигрантов полного пакета социальных услуг требует соблюдения дополнительных требований. Так, в Польше для получения социальных льгот проживающими там иностранцами необходимо наличие вида на жительство (Chlon-Dominczak 2020: 327-344). В Словении и Болгарии доступ к социальным выплатам предоставляется всем семьям застрахованных трудоустроенных граждан ЕС и иностранцев (Strban, Misic 2020: 391-403; Vankova, Draganov 2020: 65-80). Чешская система социальной защиты открыта для граждан третьих государств, но предполагает длительное проживание в стране (Koldinska 2020: 109-121). Такая же практика в отношении большинства социальных льгот существует и в Болгарии. Однако в этой стране по-прежнему высока доля граждан, живущих под угрозой бедности или социальной дезинтеграции, а социальные выплаты оказывают слабое влияние на сокращение бедности (European Commission 2019: 8-15). Румынское социальное обеспечение доступно всем жителям, независимо от их гражданства, формально обеспечивая равные основания для получения социальных благ. Однако на практике лишь относительно небольшое количество социальных льгот распространяется на мигрантов. Более того, румынская система социальной защиты, несмотря на ее регулярные реформы, оказала относительно небольшое влияние на снижение риска бедности и неравенства доходов в стране (Burlacu, Soare, Vintila 2020: 361-377). Уязвимость иностранцев в ЦВЕ усугубляется в целом высокими рисками бедности в регионе, распространяющимися и на семьи граждан государств ЦВЕ³.

На фоне старения европейского населения репродуктивное поведение приезжающих иностранцев – существенный фактор демографической динамики, особенно в западноевропейских странах с большим числом мигрантов, отличающихся более высокой рождаемостью (Sobotka 2008; Wilson et al. 2013). В то же время в странах ЦВЕ доля мигрантов остается скромной по отношению к общей численности населения. Кроме того, в исследовании ОЭСР «Перспективы международной миграции» (OECD 2023), отмечается, что рождаемость у мигрантов в настоящее время ниже уровня воспроизводства населения (менее 2 детей на семью) в большинстве европейских государств и с течением времени демонстрирует конвергенцию с ее динамикой у местных жителей.

³ Для граждан государств рассматриваемого региона риск бедности с учетом социальных выплат наиболее высок в странах Балтии, Румынии, Болгарии и Хорватии и составляет 18-22,9%. В других странах ЦВЕ данный показатель ниже в 1,5-2 раза, как и во всей Западной Европе (People at risk of poverty after social transfer. Retrieved from <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TIPSLC20/default/table> (data downloaded on 28.03.2024)). Уровень риска бедности детей родителей-граждан страны, по данным 2022 г., в ряде стран чрезвычайно высок: в Румынии – 27%, в Словакии – 21,9%, в Болгарии – 25,6%, превышая аналогичные показатели региона в 1,5-3 раза (At-risk-of poverty rate for children by citizenship of their parents (population aged 0 to 17 years). Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_li33/default/table?lang=en&category=livcon.ilc.ilc_ip.ilc_li (data downloaded on 28.03.2024)).

Как и в других регионах, Европы коэффициент суммарной рождаемости в странах ЦВЕ до начала 90-х годов превышал минимальный порог, необходимый для воспроизводства населения. К примеру, в Польше, Румынии, Эстонии, Латвии, Литве в 1986 г. значение показателя составляло более 2,1, а с начала 90-х годов и до настоящего времени сократилось до 1,75 (в Румынии) и ниже (самые низкие значения в Польше и Хорватии – 1,45) (UN Department... 2024) (рисунок 3). В то же время показатели рождаемости стабилизировались после спада, и в большинстве стран ЦВЕ коэффициент суммарной рождаемости незначительно, но повысился (кроме Литвы и Латвии).

Рисунок 3. Коэффициент суммарной рождаемости⁴ в 11 странах Центрально-Восточной Европы и в целом по Европе

Источник: (UN Department... 2024).

В итоге демографическая ситуация, с одной стороны, в рассматриваемом регионе является крайне неблагоприятной в силу существенной убыли населения и высокого уровня эмиграции. Высокие риски бедности населения в ряде стран ЦВЕ, ограничения в получении социальных пособий гражданами государств, не входящих в ЕС, неприязненное отношение к иностранцам снижают привлекательность региона для международных трудовых мигрантов и их семей. С другой стороны, стабильные в последние 20 лет и даже растущие, хоть и незначительно, показатели рождаемости, формирующиеся под воздействием комплекса факторов, вероятно могут косвенно отражать результаты и достаточно успешного экономического развития в последние десятилетия, и мер семейной

⁴ Коэффициент суммарной рождаемости определяется средним числом детей, которых родила бы одна женщина в течение всего репродуктивного периода (от 15 до 49 лет включительно) при неизменных показателях рождаемости того года, для которого вычисляется коэффициент.

политики, направленных на поддержание потенциала воспроизводства населения в регионе.

Преобразование модели семейной политики

Основными задачами семейной политики ЦВЕ, как и в других европейских странах, являются сокращение разрыва между обеспечивающей замещением поколений⁵ и фактической рождаемостью, создание благоприятных условий для повышения уровня женской занятости, а также обеспечение достойных условий для жизни семьи, воспитания детей и личностного развития (Ambrosetti 2022: 313-335).

Концепции государства благосостояния в странах ЦВЕ часто рассматриваются в едином ключе, как если бы они были едины для всего региона. По мнению британского ученого Б. Дикона, на переходном этапе Болгария, Польша, Румыния (а также Россия) сформировали особый тип «постсоциалистического консервативно-корпоративистского государства» (Deacon 1992). Другие исследователи предположили, что страны ЦВЕ ушли в традиционализм и проводят политику поддержки модели семьи с «мужчиной-кормильцем» и женщиной, реализующей функции матери и домохозяйки (Hantrais 2004: 37-104). Об общности типа социальной политики государств ЦВЕ позволяют судить основные черты и тенденции в их регулировании этой сферы, а именно:

- свертывание государственного сектора и ремаркетизация услуг по обеспечению ухода за детьми;
- децентрализация управления;
- урезание социальных гарантий до уровня, обеспечивающего лишь защиту граждан от негативных социальных эффектов функционирования рыночной экономики (как в либеральной модели);
- развитие с 50-х годов модели семьи с двумя работниками (Crespi, Ruspini 2016: 49-62).

Другая точка зрения заключается в том, что социальную политику в странах ЦВЕ следует рассматривать как отдельные типы режимов, представляющие собой контрастные траектории развития. В основе аргументации лежат различия в семейной политике этих государств. На примере типологии социальной политики Г. Эспинга-Андерсена⁶ ученые отмечают наиболее близкие модели для ряда стран: для Венгрии – либеральную, ориентированную на свободные рынки, для Польши – консервативно-корпоративистскую, ввиду опоры на церковь и семью, для Чехии – социал-демократическую с равными правами для всего населения, длительно проживающего на территории страны, и низким уровнем безработицы (Pascall 2005: 1-99). Нынешний режим социального обеспечения в Эстонии классифицируется как либеральный тип ввиду минимального обеспечения жителей государственными социальными гарантиями и преимущественно рыночным их

⁵ Уровень рождаемости, необходимый для поддержания численности населения, равный 2,1 деторождений на 1 женщину.

⁶ Esping-Andersen G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton University Press. Согласно типологии моделей социальной политики, ученый выделил 3 основные: нелиберальная модель, которой свойственны предоставление социальных гарантий наиболее уязвимым группам населения и в большей степени их рыночное распределение; скандинавская – щедрая и универсальная система оказания государственных социальных услуг; консервативно-корпоративистская, основывающаяся на социальном страховании и субсидиарном участии государства.

распределением. Однако ситуация в Эстонии значительно варьируется в разных сферах социальной защиты. Например, жилищная политика практически отсутствует, а семейная – достаточно щедрая (в том числе по сравнению с другими странами Балтии) (Ainsaar, Roots 2020: 137-148).

Сокращение государственных расходов и перестройка социальной политики в странах ЦВЕ в начале переходного периода происходили в условиях падения ВВП и растущей безработицы. Так, в начале 90-х годов ВВП на душу населения Польши и Болгарии был примерно в 3 раза ниже, чем в Швеции и Германии (UNESCO... 2024). Тогда это существенно осложняло реализацию идей государства о благосостоянии в регионе. На современном этапе проблема более низкого уровня экономического развития (рассматриваемого с точки зрения обеспеченности материальной базы социальной политики) сохраняется лишь для ряда стран ЦВЕ, а по показателю безработицы (как одному из индикаторов потребностей в социальных трансфертах) они и вовсе не выделяются на общеевропейском фоне (3-7%) (Eurostat 2024a) ⁷.

Одной из особенностей семейной политики стран ЦВЕ является то, что объектом демографической политики является не семья, а женщина. Возможное объяснение заключается в том, что матери по-прежнему несут основную ответственность за детей, а политика, направленная на обеспечение возможности сочетания родительских обязанностей и занятости, имеет для матерей наибольшую ценность. Было выявлено, что семейная политика в целом в Европе благоприятно сказывается на психическом состоянии женщин с детьми. Для мужчин данная связь не подтвердилась (Nordenmark 2021: 45–57).

Гендерный разрыв в оплате труда в регионе сохраняется, хотя и снизился с начала 1990-х годов. Если еще в 2018 г. в Болгарии и Румынии сложилась наиболее благоприятная ситуация – гендерный разрыв в оплате труда ⁸ там являлся одним из наименьших среди всех стран ЕС (3 и 3,5 % соответственно, сопоставимый показатель в Бельгии – 3,4%), то к 2022 г. ситуация изменилась в худшую сторону, показатели выросли, составив 8,8 и 13,6% соответственно (OECD Data Explorer 2024). При этом и зарплата в обоих государствах одна из самых низких в ЕС (по последним имеющимся данным за 2018 г., среднемесячный заработок составил 608 евро в Болгарии и 951 евро в Румынии, и если оплата труда в Румынии в целом сопоставима с другими странами ЦВЕ, то по сравнению с Болгарией в других странах ЦВЕ значения выше в 1,5 раза и более и в то же число раз меньше, чем в западных европейских странах) (Eurostat 2024b). В Словении гендерный разрыв в оплате труда в 2022 г. составил 8,3%, но и средняя (годовая) заработная плата в стране наивысшая в ЦВЕ и больше, чем в вышеуказанных странах в 2-2,8 раза. В Венгрии и Польше в 1992 г. соответствующий показатель составлял около 17 %, к 2022 г. более заметно снизился в Польше (до 10,2%) и менее – в Венгрии (до 12,7%). Наименьший разрыв в заработках по данным 2022 г. в Хорватии (3,2%), и, пожалуй, один из самых наименьших в ЕС. Тем не менее, несмотря на значимые достижения в снижении гендерного неравенства на рынке труда, данный вопрос остается достаточно острым и актуальным не только для стран ЦВЕ, но и большинства государств Западной Европы, включая Францию и Германию.

⁷ В России прослеживались схожие тенденции: уровень безработицы начал расти после развала СССР, а уровень ВВП на душу населения – снижаться до середины 90-х годов прошлого века.

⁸ В данном случае гендерный разрыв в оплате труда рассчитывался, исходя из ежемесячной оплаты труда.

Уровень безработицы женщин достигает максимальной отметки ЦВЕ в Хорватии, составляя в 2023 г. около 7%, и превышает аналогичный индикатор у мужчин на 1,7 п.п. В Словении и Словакии гендерные различия подобного типа незначительны (0,5 п.п.). В Польше уровень безработицы уже одинаков для обоих полов. А в Латвии, Литве, Венгрии и Румынии доля не имеющих работы среди женщин ниже аналогичного показателя среди мужчин на 0,2-2,5 п.п. (Eurostat 2024с). Это позволяет предположить, что модель с двумя работниками сохранилась и успешно функционирует в странах ЦВЕ, при этом занятость мужчин и женщин более равнозначна, чем, например, в южных странах ЕС (в Италии уровень безработицы выше среди женщин на 2,3 п.п., в Испании – 3,5 п.п.).

Таким образом, в странах ЦВЕ в различной степени проявляются черты основных моделей социального государства. В то же время действующие системы социального обеспечения в регионе имеют схожие параметры с западноевропейскими аналогами, отражая действие общего европейского законодательства и конвергенцию паттернов социальной политики на территории Союза.

Основные направления семейной политики

Главные положения законодательства о семейной политике в странах ЦВЕ касаются отпусков по уходу за детьми, предоставления семейных пособий и услуг детских садов.

Одним из важнейших направлений семейной политики Центрально-Восточного региона Европы является осуществление программ отпусков по уходу за детьми. По данным 2022 г. оплачиваемый государством отпуск по уходу за детьми имеет наибольшую длительность в Венгрии и Словакии (161-164 недели в среднем). В Польше (около 54 недель) – самый короткий среди сравниваемых стран, в Чехии – сопоставимый по продолжительности со Швецией и Францией, известными довольно щедрой семейной политикой (таблица 1). В среднем отпуск по уходу за детьми в странах ЦВЕ в действительности более протяженный, чем в странах западного региона Европы. В то же время, как следует из данных об отпуске по уходу за детьми для отцов, роль материнства высока, а политика в отношении отцовства далеко не во всех странах стала популярной. Исключение составляет Словакия, где обоим родителям предоставляется долгий индивидуальный и совместный отпуск по уходу за детьми, однако, с низкой оплатой для матерей, что приводит к их вынужденному преждевременному возвращению на работу. В Эстонии безработные отцы имеют право на дополнительное родительское пособие в течение 30 дней. В отличие от других государств региона, в Словении перечень категорий получателей отпуска и пособий по беременности и родам расширено: на них могут рассчитывать незарегистрированные и однополые пары.

Более продолжительный отпуск, с одной стороны, позволяет родителям больше времени уделять уходу за ребенком, а с другой – увеличивает риск постепенной деквалификации и обесценивания накопленного профессионального опыта. Обострение конкуренции на рынках, отсутствие гарантий занятости и страх потерять прежнюю позицию на работе делают положение женщин с детьми более уязвимыми.

Другим важнейшим направлением семейной политики является предоставление детских пособий, регулируемое национальным законодательством. По доле государственных расходов на нужды семейной политики в ВВП Эстония, Венгрия и Польша, имеющие их самые высокие показатели в ЦВЕ, сопоставимы с Францией и Швецией, отличающимися щедрой социальной политикой (таблица 2). Тем не менее, учитывая

экономическое положение стран рассматриваемого региона, получаемые пособия сравнительно ниже в абсолютном выражении, чем в развитых европейских странах.

Таблица 1. Оплачиваемый государством отпуск по уходу за детьми в некоторых странах ЦВЕ, Северной и Западной Европы, апрель 2022 г.

	Отпуск, предоставляемый матерям		Отпуск, предоставляемый отцам		Совместный отпуск
	количество недель	средняя ставка, % заработной платы	количество недель	средняя ставка, % заработной платы	количество недель
Венгрия	24	50	1	100	136
Словакия	34	41	28	75	102
Словения	19	100	4	100	33
Эстония	14	100	4	100	68
Латвия	16	52	1	80	78
Литва	18	78	4	78	44
Чехия	28	78	2	64	41
Польша	20	80	2	100	32
Франция	42	43	31	26	0
Швеция	13	62	14	76	43

Источник: (OECD 2024).

Таблица 2. Государственные расходы на семейные пособия в некоторых странах ЦВЕ, Северной и Западной Европы, 2001-2019, % ВВП

	2001	2009	2019
Чехия	1,7	2,3	2,1
Эстония	н/д	2,9	3,3
Венгрия	2,9	3,4	3,1
Латвия	н/д	2,4	2,3
Польша	1,2	1,8	3,3
Словакия	2,1	2,0	2,1
Словения	2,1	2,1	1,8
Швеция	2,9	3,5	3,4
Франция	3,7	3,7	3,4

Источник: (OECD 2024).

Кроме того, в отличие от западноевропейских стран, в ЦВЕ такие трансферты не являются универсальными или безусловными. Например, в Хорватии (Spadina 2020: 81-94) и Словении⁹ пособия, финансируемые из налоговых поступлений, выделяются на основе проверки нуждаемости семей. Однако главной целью подобных выплат является покрытие расходов на содержание ребенка, а не сокращение бедности, особенно среди семей приезжих, которому придается гораздо меньше значения. Показательно, что в 2023 г. в Словении уровень риска бедности среди детей местных жителей составляет 7,7%, тогда как среди детей мигрантов еще значителен и достигает 33,9% (Eurostat 2024d).

В Болгарии пособия по беременности и родам предоставляются на основе взносов в систему социального страхования. И здесь имеется ограничение: право на пособие получают все работники, включая иностранцев, которые имеют 12-месячную страховку (Vankova, Draganov 2020: 65-80). Для сравнения: в Чехии для получения данного вида

⁹ Zakon o socialno varstvenih prejemkih (ZSVarPre) (2023).

<https://www.poravnava.si/zakon-o-socialno-varstvenih-prejemkih-zsvarpre/>

выплат все женщины должны вносить страховые взносы не менее 270 дней в течение двух лет.

В Словакии для лиц с постоянным местом жительства установлена самая высокая единовременная выплата при рождении первых четырех детей на каждого (829,86 евро по данным на июль 2023 г.), превышающая выплаты в других странах в 3 и более раз. При этом в последние несколько лет уровень рождаемости в стране не снижался. Напротив, в Румынии, в отличие от других стран ЦВЕ, единовременная выплата при рождении ребенка и вовсе не предоставляется. Тем не менее рождаемость в последние 5 лет была там при более низких показателях экономического и социального развития по сравнению с большинством стран ЦВЕ самой высокой в регионе. И все же ее уровень был недостаточным для замещения поколений (Mutual Information System... 2024). Возможно, в случае предоставления пособий на детей демографическая ситуация была бы в Румынии лучше.

Услуги по дошкольному образованию и уходу за детьми представляют собой еще одно важное измерение семейной политики. Данные ОЭСР показывают, что польские и венгерские дети младше двух лет сейчас гораздо шире охвачены детскими садами/яслями, чем 18 лет назад: этот показатель соответственно вырос с 2,8 и 6,6% в 2005 г. до 13 и 11,6% в 2020 г. (таблица 3). Для сравнения заметим, что показатели обеспеченности маленьких жителей услугами подобных учреждений в западноевропейских странах как минимум в 4 раза выше. Во всех странах ЦВЕ существенно выше доля посещающих детские сады среди населения в возрасте от трех до пяти лет и варьировалась в 2020 г. от 71,6% (Хорватия) до 92,8% (Венгрия и Латвия). Этот показатель особенно заметно повысился в Польше: с низкого исходного уровня 38,3% в 2005 г. до 88,3% в 2020 г. (таблица 3), что может свидетельствовать о сближении подходов польских властей к политике в области труда женщин и ухода за детьми с позициями наиболее продвинувшихся в развитии инфраструктуры детства стран ЦВЕ.

Таблица 3. Охват детей дошкольным образованием в некоторых странах ЦВЕ, % детей соответствующего возраста

	Охват детей младше 2 лет		Охват детей в возрасте 3-5 лет	
	2005	2020	2005	2020
Латвия	18,2	27,2	77,4	92,8
Литва	13,2	29,8	58,7	89,5
Польша	2,8	13,0	38,3	88,3
Словакия	2,9	4,36	73,3	78,1
Словения	24,8	45,5	75,5	92,6
Болгария	7,5*	15,0	80,6 *	77,8
Хорватия	8,4*	19,9	59,0 *	71,6
Румыния	9,7*	8,45	84,1 *	78,3
Венгрия	6,6	11,6	86,8	92,8

Источник: (OECD 2024).

Примечание: * – Данные за 2010 г.

Развитие семейной политики требует выделения средств на расширение сети качественных государственных и частных детских садов. Европейский совет еще в 2002 г. рекомендовал государствам-членам Союза обеспечивать родителей услугами дошкольного образования по крайней мере для одной трети детей до 3 лет и 90% от 3 лет

до возраста обязательного школьного обучения¹⁰. Как видно по данным таблицы 3, далеко не всем странам удастся достичь рекомендованных показателей. В Хорватии, например, один из самых низких показателей охвата детскими учреждениями ввиду ряда причин. Во-первых, все услуги по уходу за детьми платные и стоимость варьируется в зависимости от региона, хотя, как правило, данные услуги недорогие. Во-вторых, в стране ощущается нехватка детских дошкольных учреждений, а приоритет отдается семьям с двумя работающими родителями. Вторая причина является наиболее значимой, поскольку дискриминирует семьи с одним или двумя безработными родителями при выборе учреждением получателя услуг (European Commission 2021).

Еще одним традиционным направлением семейной политики в ЦВЕ выступает поддержка одиноких родителей. Как правило, одинокие матери с детьми являются менее обеспеченным и более уязвимым типом семьи по сравнению с другими. Поэтому государство уделяет неполным семьям серьезное внимание, подкрепляя его немалыми выплатами. Так, в Эстонии предусмотрено ежемесячное пособие на ребенка для одиноких родителей, в Венгрии – право на более высокую ставку пособия для таких семей, в Словении выплаты на 30% выше, чем семьям с двумя родителями. В Литве оплата содержания детей одиноких родителей в дошкольных учреждениях может быть снижена на 50%. Эти благие меры могут произвольно способствовать разрушению института законного брака и использоваться в корыстных целях. Известно, что некоторые супруги сознательно не регистрируют отношения и рожают детей, официально не оформив семейный союз, чтобы получать большие выплаты в качестве одиноких родителей. Однако едва ли это является основной причиной распространения в современных обществах рождений вне зарегистрированных браков. Не нужно забывать, что, к примеру, во Франции, где в 2020 г. доля внебрачных рождений достигла 62,2% (таблица 4), с конца 1990-х параллельно браку существует институт официально зарегистрированных сожительства (Le pacte civil de solidarité, Pacs), в которых появляется на свет существенная доля детей, вследствие чего статистическая категория «внебрачное рождение» становится неоднозначной. Тенденция распространения бракоподобных союзов с совместным проживанием партнеров, получивших в той или иной степени признание со стороны общества и государства с предоставлением прав на полноценную социальную поддержку детей в них, имеет широкое распространение и в других развитых странах.

Тенденция к сокращению числа заключаемых браков и повышению доли внебрачных рождений наблюдается и в ЦВЕ. В Словении в 2020 г. последний показатель (56,5%) уже превысил уровень Швеции, увеличившись с 37,1% в 2000 г. В Польше доля детей, рожденных вне брака, еще в 2000 г. была довольно небольшой – 12,1%, однако с тех пор значительно выросла, достигнув 26,4% в 2020 г. (таблица 4).

Законодательство Польши об абортax (фактически запрете абортov)¹¹, принятое в 1993 г. (последние изменения внесены в январе 2021 г.) при участии религиозных

¹⁰ European Commission (2002). Barcelona European Council, 15 and 16 March 2002, Presidency Conclusions. <https://cordis.europa.eu/programme/id/EMP-BARCELONA-2002C>

¹¹ В Польше запрещены аборты, за исключением случаев прерывания беременности ввиду медицинских показаний и изнасилования. 22 октября 2020 г. Конституционный суд Польши признал незаконным право женщины на аборт в случае выявления у плода серьезного порока или неизлечимого заболевания, что составляет примерно 98% от общего количества зарегистрированных абортov в Польше. См.: *Associated Press* (2020). October 23. (<https://apnews.com/article/international-news-poland-abortion-europe-birth-defects-9258358858a72911663cd1d276a8fbd2>). В тоже время следует иметь в виду, что польские женщины в

организаций отражает распространенное в обществе представление о материнстве как важной обязанности женщин и в целом указывает на значимость традиций, связанных с большой ролью римско-католической церкви и проявляющихся в семейной политике не только в жестком регулировании аборт, но и в более ограниченной и условной поддержке родительского отпуска в сравнении с другими странами ЦВЕ. Тем не менее коэффициент суммарной рождаемости в Польше остается одним из самых низких в регионе, что подтверждает неадекватность запрета абортов как меры повышения рождаемости, не говоря об этической стороне вопроса, связанной со вмешательством в планирование жизни семьи.

Таблица 4. Доля рождений детей вне брака в некоторых странах ЦВЕ, Северной и Западной Европы, %

	2000	2010	2020
Венгрия	29,0	40,8	30,4
Латвия	40,4	44,4	39,5
Литва	22,6	25,7	27,0
Польша	12,1	20,6	26,4
Словакия	18,3	33,0	40,7
Словения	37,1	55,7	56,5
Хорватия	9,0	13,3	22,8
Швеция	55,3	54,2	55,2
Франция	43,6	55,0	62,2

Источник: (OECD 2024).

Для сравнения социальных аспектов развития стран в соответствии с политикой ЕС в дополнение к традиционным экономическим показателям, таким как ВВП, был использован Индекс социального прогресса (далее – ИСП), составляемый некоммерческой организацией «The Social Progress Imperative»¹². Как показывают исследования, Индекс социального прогресса и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (далее – ППС) имеют высокую корреляцию. Однако индекс, измеряющий социальные показатели страны, не всегда выше там, где ВВП на душу населения по ППС принимает большее значение, что наглядно демонстрируют страны ЦВЕ. В среднем тенденции обоих показателей действительно совпадают: страны с высоким ВВП находятся на вершине рейтинга (таблица 5). Однако, например, Эстония попала в первую группу стран с самыми высокими уровнями социального прогресса (в той же группе богатые скандинавские, западноевропейские страны), но уровень ВВП на душу населения по ППС уступает трем странам из следующей группы социального прогресса – Чехии, Словении и Литве (Тураева, Вардомский 2020: 129-164).

Индекс социального прогресса отражает масштабность и направленность мер социальной политики. В соответствии с данными «The Social Progress Imperative» в Эстонии, Чехии и Словении реализуются наиболее крупные в регионе программы поддержки

массовом порядке продолжают делать аборт в соседних странах, что ложится дополнительным бременем на семейные бюджеты.

¹² Индекс социального прогресса строится на основе показателей в трех ключевых областях: удовлетворение основных потребностей человека (жилье, питание, медицинское обслуживание, безопасность), основы благополучия (доступ к базовому образованию, здравоохранению, информации и коммуникациям), реализация возможностей (свобода выбора и право голоса, инклюзивность, получение высшего образования).

населения, что, возможно, позволяет поддерживать более высокий уровень рождаемости в сравнении с рядом других стран ЦВЕ (таблица 5). В то же время связь ИСП с рождаемостью безусловна: наибольший показатель последней зафиксирован в Румынии, занимающей нижние строки по уровню экономического и социального развития в регионе.

Таблица 5. Индекс социального прогресса и ВВП на душу населения стран Центрально-Восточной Европы, данные 2022 г.

Страна	Место страны в рейтинге ИСП	Значение показателя ИСП	ВВП на душу населения по ППС ¹³	КСР
Эстония	18	86,16	46697	1,676
Чехия	23	85,19	49946	1,699
Словения	27	84,19	50032	1,627
Литва	29	83,71	48397	1,622
Латвия	32	82,46	39956	1,583
Хорватия	34	82,32	40380	1,452
Словакия	35	81,29	37459	1,566
Польша	39	80,17	43269	1,459
Венгрия	42	78,21	41907	1,578
Румыния	43	76,89	41888	1,748
Болгария	44	76,81	33582	1,586

Источник: (The Social Progress Imperative 2023).

Примечание: КСР – коэффициент суммарной рождаемости, доступные данные за 2021 г.

Таким образом, семейная политика стран ЦВЕ характеризуется, с одной стороны, выраженной направленностью на поддержку и поощрение материнства, предоставляя родителям сравнительно продолжительный отпуск по уходу за детьми и позволяя больше времени уделять выполнению семейных обязанностей, а с другой – в силу сравнительно небольших размеров социальных выплат семьям фактически подталкивает женщин к скорому возвращению на рынок труда. Однако возобновлению трудовой деятельности может препятствовать нехватка учреждений дошкольного образования, особенно для детей младше 2 лет. В то же время показатели рождаемости демонстрируют неоднозначную связь с материальным положением семей. Согласно концепции второго демографического перехода, существует конфликт между социальной нормой необходимости иметь детей и стремлением людей к самореализации не только в брачно-семейной сфере, к карьерному росту, повышению дохода и соответствию неким стандартам современного общества потребления (Иванов 2021: 5-10) (с чем в немалой мере сопряжено распространение установок на откладывание вступления в брак, позднее рождение детей или добровольную бездетность). Однако, как показало исследование, повышенному уровню социального прогресса, компонентами которого являются неэкономические показатели удовлетворенности основных потребностей и возможностей развития человека, а именно составляющие социального благополучия в стране, зачастую соответствуют лучшие показатели рождаемости. Это указывает на необходимость усиления направленности государственных мер на удовлетворение социальных потребностей родителей.

¹³ UNESCO Institute for Statistics (2024). *Demographic and socio-economic: Socio-economic indicators*. Retrieved from <http://data.uis.unesco.org/> (data downloaded on 28.03.2024).

Заключение

Серьезные демографические вызовы, стоящие перед странами ЦВЕ, сопряжены с интенсивной естественной убылью и эмиграцией их населения в экономически более благополучные страны. В противодействии негативным демографическим тенденциям в регионе важная роль отводится семейной политике, призванной обеспечивать благоприятные условия для семей с детьми, способствуя при этом занятости женщин. Несмотря на схожесть современных паттернов семейной политики в Европе, модель родительской заботы о детях в странах ЦВЕ отличается существенно большим вкладом матерей по сравнению с участием отцов. В последние два десятилетия в государствах ЦВЕ показатели рождаемости стабилизировались после значительного спада в 1980-х – 1990-х годах, более того, в некоторых странах региона показатели рождаемости растут, что в числе прочего может быть отнесено на счет семейной политики. Изучение опыта семейно-ориентированной политики в ЦВЕ позволяет извлечь из него заслуживающие внимания уроки для социальной политики в России.

Основными слагаемыми семейной политики в ЦВЕ являются предоставление отпусков родителям по уходу за вновь рожденными детьми, развитие инфраструктуры дошкольного образования и выплата семьям пособий. Важными достижениями в области семейной политики являются предоставление продолжительных отпусков по уходу за детьми, расширение сети дошкольных учреждений, снижение гендерного неравенства, увеличение поддержки одиноких родителей. В то же время сохраняются такие проблемы, как ограниченные размеры пособий родителям, отсутствие универсального (безусловного) порядка выплат семьям с детьми, нехватка дошкольных учреждений, худшее положение женщин на рынке труда по сравнению с мужчинами. Снижение домашней нагрузки женщин в роли матери с одновременным расширением участия отцов по уходу за детьми, обеспечение финансовой защищенности семьи различных типов и личностного развития всех ее членов сохраняют значительные недоиспользованные возможности в повышении действенности мер государственной политики, направленных на укрепление и развитие демографического потенциала.

Литература

- Иванов С.Ф. (2021). Демография современного мира: комментарии к теориям. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1(3), 5-10. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.1>
- Куликова Н.В. (Отв. ред.) (2017). Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Том 1. Центрально-Восточная Европа (с. 32-48). СПб.: Алетейя.
- Куликова Н.В. (Отв. ред.) (2019). *Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике*. Монография (с. 14-37). М.: ИЭ РАН. https://inecon.org/docs/2019/Kulikova_2019.pdf
- Маркова Е.Н. (2009). Понятие Центральной и Восточной Европы: проблемы идентификации группы государств в целях сравнительного правоведения. *Сравнительное конституционное обозрение*, 5 (72), 5-15. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tsentralnoy-i-vostochnoy-evropy-problemy-identifikatsii-gruppy-gosudarstv-v-tselyah-sravnitel'nogo-pravovedeniya/viewer>

- Михалев О.Ю. (2022). Проблема украинских беженцев в Польше в 2022 году. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*, 4(15), 49-61.
- Тенги А. (2004). Восточная Европа: миграционные процессы после расширения ЕС. *Отечественные записки*, 5(20). <https://strana-oz.ru/2004/5/vostochnaya-evropa-migracionnye-processy-posle-rasshireniya-es>
- Тураева М.О., Вардомский Л.Б. (Отв. ред.) (2020). *Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира*. Монография (с. 129-164). М.: ИЭ РАН, 2020. https://inecon.org/docs/2020/Turaeva_Vardomsky_book_2020.pdf
- Ainsaar M., Roots A. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Estonia. In Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 137-148). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_9
- Ambrosetti E. (2022). Europe: Low Fertility, Aging, and Migration Policies. In: May J.F., Goldstone J.A. (Eds.), *International Handbook of Population Policies. International Handbooks of Population*, 11, 313-335. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-02040-7_14
- Burlacu I., Soare S., Vintila D. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Romania. In Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 361-377). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_24
- Chlon-Dominczak A. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Poland. In Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 327-344). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_22
- Crespi I., Ruspini E. (2016). *Balancing work and family in a changing society. The Fathers' Perspective* (pp. 49-62). Palgrave Macmillan New York. <https://doi.org/10.1057/9781137533548>
- Deacon B. (1992). *The New Eastern Europe Social Policy Past, Present and Future*. London: Sage Publications.
- European Commission (2019). Commission staff working document. Country Report Bulgaria 2019. Including an In-Depth Review on the prevention and correction of macroeconomic imbalances (pp. 8-15). Retrieved from https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2019-05/2019-european-semester-country-report-bulgaria_en.pdf
- European Commission (2021). *The childcare gap in EU Member States*. Retrieved from <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8378&furtherPubs=yes>
- Eurostat (2024a). *Total unemployment rate*. Retrieved from <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00203/default/table?lang=en> (data downloaded on 28.03.2024)
- Eurostat (2024b). *Structure of earnings survey: monthly earnings*. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/earn_ses_monthly/default/table?lang=en&category=labour.earn.earn_ses_main (data downloaded on 28.03.2024)

- Eurostat (2024c). *Unemployment by sex and age – annual data*. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/page/une_rt_a (data downloaded on 28.03.2024).
- Eurostat (2024d). *At-risk-of poverty rate for children by citizenship of their parents (population aged 0 to 17 years)*. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_li33/default/table?lang=en&category=livcon.ilc.ilc_ip.ilc_li (data downloaded on 28.03.2024).
- Hantrais L. (2004). *Family Policy Matters: Responding to Family Change in Europe* (pp. 37-104). Bristol: Policy.
- Koldinska K. (2020). Migrants' Access to Social Protection in the Czech Republic. In: Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 109-121). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_7
- Mutual Information System on Social Protection (2024). *Comparative tables*. Retrieved from <https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/> (data downloaded on 28.03.2024).
- Nordenmark M. (2021). How Family Policy Context Shapes Mental Wellbeing of Mothers and Fathers. *Soc Indic Res*, 158, 45–57. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02701-y>
- OECD (2008). *OECD Glossary of Statistical Terms*. Retrieved from https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-glossary-of-statistical-terms_9789264055087-en#page1
- OECD (2023). *International Migration Outlook 2023*. Retrieved from <https://doi.org/10.1787/b0f40584-en>
- OECD (2024). *OECD Family Database*. Retrieved from <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (data downloaded on 28.03.2024).
- OECD Data Explorer (2024). *Gender wage gap*. Retrieved from [https://data-explorer.oecd.org/vis?fs\[0\]=Topic%2C1%7CJobs%23JOB%23%7CEarnings%20and%20wages%23JOB_EW%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=10&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_EARNINGS%40GENDER_WAGE_GAP&df\[ag\]=OECD.ELS.SAE&df\[vs\]=1.0&pd=2005%2C2022&dq=ROU%2BHRV%2BBGR%2BSVN%2BSVK%2BPOL%2BLTU%2BLVA%2BHUN%2BEST%2BCZE.....MEDIAN._T&ly\[rw\]=REF_AREA&ly\[cl\]=TIME_PERIOD&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?fs[0]=Topic%2C1%7CJobs%23JOB%23%7CEarnings%20and%20wages%23JOB_EW%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=10&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_EARNINGS%40GENDER_WAGE_GAP&df[ag]=OECD.ELS.SAE&df[vs]=1.0&pd=2005%2C2022&dq=ROU%2BHRV%2BBGR%2BSVN%2BSVK%2BPOL%2BLTU%2BLVA%2BHUN%2BEST%2BCZE.....MEDIAN._T&ly[rw]=REF_AREA&ly[cl]=TIME_PERIOD&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb) (data downloaded on 28.03.2024).
- Pascall G. (2005). *Gender regimes in transition in Central and Eastern Europe* (pp. 1-99). Bristol, UK: Policy Press.
- Spadina H. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Croatia. In: Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 81-94). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_5
- Sobotka T. (2008). The rising importance of migrants for childbearing in Europe, *Demographic Research*, 19(article 9), 225–248. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.9>
- Strban G., Mistic L. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Slovenia. In: Lafleur, JM. Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 391-403). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_26

- The Social Progress Imperative (2023). *Global Index 2022: Results*. Retrieved from <https://www.socialprogress.org/global-index-2022-results/> (data downloaded on 12.12.2023).
- UN Department of Economic and Social Affairs Population Division (2024). *World Population Prospects 2022*. Retrieved from <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (data downloaded on 28.03.2024).
- UNESCO Institute for Statistics (2024). *Demographic and socio-economic: Socio-economic indicators*. Retrieved from <http://data.uis.unesco.org/> (data downloaded on 28.03.2024).
- UNHCR (2024). Poland: Analysis of the impact of refugees from Ukraine on the economy of Poland – March 2024. Retrieved from <https://data.unhcr.org/en/documents/details/106993>
- Vankova Z., Draganov D.K. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Bulgaria. In: Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 65-80). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_4
- Wilson C., Sobotka T., Williamson L., Boyle P. (2013). Migration and Intergenerational Replacement in Europe, *Population and Development Review*, 39(1), 131-157. <https://www.jstor.org/stable/41811955>